

ПРОБЛЕМЫ ЧТЕНИЯ

УДК 028(049.3)

Черняк А.Я.

Из огня да в полымя, или Старые погудки на новый лад

Продолжение дискуссии о руководстве чтением¹.

На первый взгляд полемика по вопросам руководства чтением представляется совсем не ко времени. Бедственное положение библиотек, закрытие многих из них, подчас драматическая борьба за выживание, падение авторитета библиотек и т. п. ставят перед ними глобальные проблемы существования. Казалось бы, в такой экстремальной ситуации не до руководства чтением. Может быть, вообще нет ныне этой проблемы? Книг теперь выпускается много, самых разных — любого "цвета" и на любой вкус. И возникла "аксиома Терешина": "Никто не имеет права судить за читателя, хорошая это или плохая книга для него"². Хотя аксиомы не требуют доказательств, все же от одного из них, видимо самого "убийственного", В.И. Терешин решил не отказываться. "Высший судья книги, — восклицает он, — сам читатель, сам А.Я. Черняк" (Т, 23). Спасибо. Но не могу удержаться от двух замечаний. Я всегда был далек от преувеличенной оценки своей личности как читателя. Все же позволю заметить, что

¹ Терешин В.И. Руководство чтением и библиотечная педагогика // Науч. и техн. 6-ки СССР. — 1990. — № 2. — С. 29—35; Малевич Е.Н. Публицистика или наука? // Там же. — 1990. — № 10. — С. 15—18; Терешин В.И. Ответ оппоненту // Там же. — 1991. — № 10. — С. 20—24; Черняк А.Я. О руководстве чтением, рекомендательной библиографии, а также о термине "biblion" // Там же. — № 10. — С. 24—26; Терешин В.И. Еще раз о руководстве чтением // Науч. и техн. 6-ки. — 1992. — № 7. — С. 22—29; Мейжис И.А. Две стратегии в руководстве чтением // Там же. — С. 29—38.

² Терешин В.И. Еще раз о руководстве чтением // Науч. и техн. 6-ки. — 1992. — № 7. — С. 23. Далее цитаты в тексте по этому изданию помечаются "Т" с указанием страницы.

считаю свой читательский уровень выше уровня читателя детской библиотеки и, возможно, среднего уровня читателя массовой библиотеки — просто в силу длительного читательского опыта и профессии. Так что А.Я. Черняк — никакой здесь не критерий. Во-вторых, я совсем не считаю себя "вышим судьей книги": далеко не во всех книгах я могу основательно разобраться и в таких случаях жду помощи специалистов.

Но это все — частность, хотя имеющая отношение к самой сущности дела. Перейду к общей оценке статьи В.И. Терешина "Еще раз о руководстве чтением". Я утверждаю, что по тематике она принадлежит к числу наиболее актуальных выступлений по вопросам библиотечного дела. В то же время статья эта по своей категоричности и яростному стилю — редкий образец негативного взгляда на актуальный сюжет. В чем же его актуальность?

Демократизация издательского дела, новые рыночные отношения привели к выпуску в свет огромной массы запрещенной раньше литературы как русского, так и зарубежного происхождения. Не только прорублено "окно в Европу", но и широко распахнуты двери — и читатель получил невиданное количество интересных и полезных изданий художественной, политической, философской, социологической, исторической, экономической и другой литературы, о которой он имел весьма смутное представление, подчас искаженное. К сожалению, вместе с тем на голову читателя обрушился мутный поток низкопробных по своему художественному, научному, моральному уровню книг. Хуже того, нередко беспрепятственно выходят издания, запрещенные законом, — и широко распространяются. Поток этот ошеломил массы читателей, смешал (а иногда и сместил) понятия добра и зла, хорошего и плохого, рационального и иррационального, нанес удар по сфере нравственности, общественных вкусов, культуры поведения и взаимоотношений людей и т. п. В частности, нанесен жестокий и в современных условиях почти непоправимый удар по классической литературе.

Вот тут-то и встает вопрос: как следует относиться к такому положению? Считать ли его неизбежной издержкой новой издательской политики (это, конечно, так и есть) и не обращать внимания, уповая на то, что все образуется само собой? Или рассматривать его как удар по культуре чтения и попытаться как-то ослабить? Каждый культурный человек, особенно тот, кто связан с пропагандой книги — педагог, библиотекарь, журналист и пр. — выберет второй вариант.

Не следует также забывать элементарную вещь: люди не могут быть одинаковыми по отношению к книге, чтению в оценке, глубине понимания, во вкусах и т. д. Одни — в силу возрастных особенностей, другие — интеллектуального развития, наличия читательского опыта, третьи — по своим психологическим особенностям и т. п. Так было, так есть и так будет — в той или иной мере. И Россия в этом отношении, естественно, не уникальная страна. Вывод отсюда один — были, есть и будут люди, которые призваны помогать другим в формировании ценностных ориентаций в процессе чтения, прежде всего в выборе книг, умении их анализировать и оценивать на основе принятых в цивилизованном обществе нравственных и эстетических норм, вкусов, уровня культуры общества и т. п. Эти люди — преимущественно учителя и библиотекари массовых и особенно детских библиотек. Именно они являются активными проводниками культуры и общечеловеческих норм морали и эстетики, и именно они должны оценивать книгу с этих позиций и вести пропаганду лучшей книги.

Подспорьем для библиотекаря и коллективным советчиком для читателя служат пособия рекомендательной библиографии. В.И. Терешин не признает этого жанра, задает ряд демагогических вопросов, связанных с понятием "лучшие книги". Более 100 лет назад, скажем, Ф.Г. Толль и Х.Д. Алчевская, а затем Н.А. Рубакин прекрасно усвоили это понятие и разработали его теоретические основы, а В.И. Терешин, вооруженный современными познаниями, никак не может и, конечно, не хочет в этом разобраться. Да что уж тут говорить о таких материях, как рекомендательная библиография, когда В.И. Терешин вообще начисто отрицает само понятие "пропаганда литературы в библиотеке". И не просто отрицает, а требует его изъятия из обращения. "На мой взгляд, — пишет он, — термин "пропаганда литературы" должен быть исключен из библиотечной терминосистемы" (Т, 27). Вот так, ни больше, ни меньше — чтобы духу не было! Кажется, до такого диктата еще никто не додумывался. Есть и "глубокое" его обоснование. В.И. Терешин приводит нечто вроде определения понятия "пропаганда литературы", почерпнутое из журнала "Красный библиотекарь" за 1931 г. (!). Разрыв в 60 лет его мало смущает. Он считает, что суть пропаганды чтения "с 1930-х гг. неискаженной дошла до нынешних

времен" (Т, 27). Создается впечатление, что В.И. Терешин последние лет тридцать провел в глубоком летаргическом сне.

Это заметила и И.А. Мейжис, автор интересной, хотя в ряде случаев спорной статьи³. Говоря о позиции В.И. Терешина, она замечает: "Однако это яростное отрицание опоздало лет на тридцать. Руководство чтением в том варианте, о котором пишет В.И. Терешин, почил в бозе еще в период, который мы называем «оттепелью»" (М, 29). Правда, В.И. Терешин оставляет библиотекарю некоторую возможность оценивать книгу. Библиотекарь "может сколько угодно высказывать свои оценки книг", может даже публиковать их. "Но в профессиональной деятельности библиотекаря, — продолжает автор, — в процессе общения с читателем эти оценки не должны иметь места" (Т, 23). Пассаж этот замечателен, достоин специального исследования. Оказывается, эти оценки "часто ведут к незаслуженному возвеличению одних и шельмованию других книг, к активному продвижению одних и сокрытию (в частности в спецхранах) других книг" (Т, 23). Во-первых, в спецхраны книги попадали не по слову библиотекаря, а по спискам, составленным специальными органами (хороши были бы их сотрудники, если бы они делали такие списки по подсказкам библиотекарей). Во-вторых, почему же часто библиотекари так жестоко ошибаются в оценке книг? Где многочисленные примеры? Нет ни одного. В-третьих, почему библиотекарь, дающий оценку книги в печати, должен скрывать ее от читателя? И как понимать предыдущую фразу: "Одно дело высказывать оценки, а другое — делать эти оценки средством давления (подчеркнуто нами. — А.Ч.) на читателя, средством руководства их чтением"? Так можно библиотекарю высказывать оценки книги или нельзя? Вроде можно, но только в печати. А если читатель, не дай Бог, их прочтет? Это уже будет давление? И как В.И. Терешин представляет механизм перехода от оценки к давлению? Что же имеется в виду под давлением, если не оценка? Какими еще силовыми средствами обладает библиотекарь?

Все эти вопросы не смущают нашего автора. На все есть ответ. Вот он: "Принципом руководства чтением является положение: "не знаешь — научим, не хочешь — заставим", против которого также выступил А.Я. Черняк, считая, что это чисто школьный, а не библиотечный принцип" (Т, 24). Да, было дело. Но теперь мне ничего не

³ Мейжис И. А. Две стратегии в руководстве чтением // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 7. — С. 29—38. Далее цитаты в тексте по этому изданию помечаются "М" с указанием страницы.

остается, как покаяться: гораздо правильнее было бы мне сказать, что это не школьный, а казарменный принцип. Много можно найти в нашей библиотковедческой литературе эпитетов к слову "библиотека": и "форпост", и "опорный пункт" и пр. Но чтобы библиотеке присвоить казарменные функции — до этого, кажется, никогда и никто не договаривался. Роль первооткрывателя всецело и безраздельно принадлежит В.И. Терешину. Как может библиотека заставить читать — ума не приложу. Во всяком случае, за мою долгую читательскую жизнь я такого явления не наблюдал. Уверен: В.И. Терешин тоже.

Еще об одном открытии — глобального значения — хотел бы сказать. Говоря о читателях детской библиотеки, В.И. Терешин высказывает оригинальную мысль: "Став взрослыми, эти читатели низкопоклонно смотрят на всех сильных мира сего, от кого зависит предоставление книжных и иных благ: на начальника на работе, на продавца в магазине и т. д." (Т, 28). Понять что-либо из этой фразы невозможно. Обратимся к контексту. Оказывается, во всем виноват библиотекарь, который приучает "с детства к руководству"; именно таких людей, зараженных низкопоклонством, "призвана была формировать (и формировала) с раннего возраста детская, а затем юношеская библиотека" (Т, 28). Вот это размах! Вот это глубина и широта социологического обобщения! Сколько времени педагоги, психологи, социологи, юристы бьются над проблемой генезиса низкопоклонства, сколько гипотез они выдвигают — и никак не договорятся. И понятно: не туда смотрели. А все очень просто: не ходите, дети, в Африку (то бишь, в библиотеку) гулять, там живет ужасный, страшный Бармалей (то бишь, библиотекарь, который если и не ест детей, то на всю жизнь нравственно их калечит). Вот как надо решать извечные проблемы!

В.И. Терешин упорно отрицает роль руководства чтением в процессе самообразования, заявляя, что "если в самообразование вводится функция руководства чтением, то оно как таковое ликвидируется — начинается процесс внешнего образования" (Т, 26). Но эта позиция противоречит сущности самообразования. "Приобретение знаний путем самостоятельных занятий, — определяет эту сущность С.И. Ожегов, — без помощи преподавателя"⁴. То есть главное в самообразовании не отсутствие руководства чтением, а отсутствие преподавателя. Собственно, и сам В.И. Терешин признает это, отмечая ценность указателя Н.А. Рубакина именно для самообразования.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1986. — С. 604.

Видимо, нет смысла останавливаться далее на других выдержках из статьи В.И. Терешина: сущность и цели ее ясны — запретить, изъять руководство чтением, пропаганду книги из обихода массовой и детской библиотек! Совершенно права И.А. Мейжис, отмечающая, что статьи В.И. Терешина "своей интонацией и степенью увлеченности автора идеей отменить руководство чтением вызывают неприятные ассоциации с разрушением "до основания, а затем..." (М, 33). Вот именно!

"А.Я. Черняку хотелось бы, — пишет В.И. Терешин, — чтобы советские библиотеки и впредь активно внедряли руководство чтением в массовом порядке (для массовых библиотек). Но сегодня нам надо активно избавляться от такого рецидива командно-административной системы, как руководство чтением" (Т, 29). Что верно, то верно: от рецидивов надо избавляться. И прежде всего от таких: запретить, изъять, уничтожить и т. п. Да, в руководстве чтением (или можно называть это как-то по-другому) было много недостатков. Но никто не должен выплескивать ребенка вместе с водой, никто не должен лишать читателя помощи библиотекаря, никто не должен отнимать у последнего эту благородную и нужную функцию.

Полностью присоединяюсь к позиции И.А. Мейжис: "...обеспечить преемственность гуманистической традиции помощи в руководстве чтением, чтобы не прерывалась столь важная связь времен в библиотечном обслуживании" (М, 33). Можно отметить и ряд других принципиальных положений ее статьи, которые, на мой взгляд, свидетельствуют о правильном подходе к основным проблемам развернувшейся дискуссии. Она видит цель дискуссии не в том, чтобы освободиться от термина, от сложившегося библиотечного понятия, "а от того зловещего содержания, которое оно невольно в себе несет" (М, 31). И.А. Мейжис выступает также против пресловутой позиции: "не знаешь — научим, не хочешь — заставим". Она считает эту позицию абсолютно неприемлемой в библиотеке. Однако остается непонятным утверждение автора о том, что позиция сия в библиотеке "насаждалась почти 70 лет и, как мы видим, насаждается и сейчас" (М, 32). Даже если предположить, что кто-то из власть имущих действительно ставил подобную цель, то, как уже говорилось, какими силовыми средствами можно это сделать? Не было у библиотеки таких средств — и трудно их себе представить. Безусловно, права И.А. Мейжис, заявляя, что "авторитет библиотекаря стал определяться не должностью, а его индивидуальными и личностными особенностями: знанием литературы, коммуникативными навыками, даже его внешним обликом" (М,

36), "чем ярче личность библиотекера, тем больше его воздействие" (М, 35). Все совершенно правильно. Только причем здесь временной момент — "стал"? Так было и так будет всегда.

В целом статья И.А. Мейжис, безусловно профессиональная, опирается на специальное исследование Г.П. Недельчо. Вместе с тем следует отметить определенную непоследовательность автора, противоречия между отдельными выражениями и общим духом статьи. Например, не очень понятна фраза: "Суть состоит в том, чтобы избавить читателя от вмешательства в сферу его чтения, а библиотекаря — от ненужных ему функций" (М, 33). Вопросов здесь встает много. Конечно, необходимо поддержать требование автора о создании (от себя добавлю — скорейшего) новых учебников и методических пособий, в которых вопросы руководства чтением и вообще библиотечного обслуживания излагались бы на основе новейших данных социологии и психологии чтения. И тогда действительно будут созданы существенные предпосылки исполнения пожелания И.А. Мейжис: "Библиотекарь наконец выполнит свою социальную роль: привлечет к чтению все большее число граждан и удовлетворит их информационные потребности" (М, 38). Все так, но одно немаловажное замечание: речь здесь идет лишь о чисто количественном моменте, конечно, весьма существенном. Имеется в виду вопрос: сколько читают, но остается в стороне другой — что читают?

Думается, что подобные упущения и противоречивые высказывания автора представляют собой, быть может, не всегда осознанную эмоциональную реакцию на живучесть устаревших, действительно вредных позиций в области руководства чтением в учебниках, справочных пособиях, методических материалах и т. п. Полагать надо, что это проявление "детской болезни" роста.

Что же касается рассматриваемой статьи В.И. Терешина, то я уверен: пройдет время, и не столь уж длительное, — и многие позиции автора будут восприниматься как странное и непонятное явление.